

Передача мысли и идей — основа всего сущего, то, что делает цивилизацию бессмертной.

Хань Цзин понимал суть бытия далеко не так глубоко, как Форсети. И все же его мучил один неразрешимый вопрос: как быть, если родная душа внезапно переродилась в нечто чуждое и пугающее? Сможет ли он обуздать свою слепую привязанность? Времени на раздумья почти не оставалось, и верный ответ ускользал от него.

Никто не знал, в какой именно миг снизойдет карающая Руна, и загнанному в угол человечеству оставалось лишь отвоевывать у вечности секунду за секундой.

Хань Цзин лично участвовал в запуске систем Атлантиды. Позади остались десятки симуляций — и вот теперь он занял свое место в центральной рубке управления исполинского города-корабля, готовый к началу операции.

Как и остальные операторы, он был облачен в темно-серую форму Элохим из жидкого металла. Эта высокотехнологичная броня идеально облегла фигуру, но главное — обеспечивала защиту и боевую мощь. Закрепленный на запястье металлический браслет позволял фокусировать разрушительные импульсы: одного щелчка пальцев хватало, чтобы вмять или скрутить лист закаленной стали.

Элохим уже покинули Атлантиду. В рубке царило мрачное, напряженное молчание. Люди не сводили глаз со светящихся голографических панелей, ожидая сигнала. План был прост и безумен: уцелевший флот Элохим должен был совершить прыжок через Радужные врата прямо на орбиту Земли. Там, в вышине, развернется битва титанов — столкновение цивилизаций высшего порядка. И пока союзники будут удерживать плацдарм, обеспечивая людям прикрытие, человечеству предстояло активировать Атлантиду и запустить протокол настройки Звёздных врат. Это был единственный шанс на спасение.

Люди замерли в ожидании первых вспышек в ночном небе — знамения того, что флот Элохим вступил в бой.

Хань Цзин хмуро посмотрел на синеватый экран, а затем перевел взгляд на Лэнса, сидевшего в десятке метров от него. Тот выглядел изнуренным, осунувшимся, под глазами залегли темные тени. Рядом больше не было той безупречной, грациозной фигуры. Симо ушел. Он принял твердое решение покинуть Атлантиду ради любимого человека — самый мучительный выбор в его жизни.

Разлука перед лицом смерти — обычное дело для эпохи гибели мира, трагедия, разыгрывающаяся ежесекундно.

Когда был объявлен исход в космос, многие решили остаться. Жить и умереть на земле предков, разделив общую могилу с любимыми, казалось им лучшей долей. Как говорил когда-то старший сокурсник Роджер: даже если смерть неизбежна, пусть плоть и кровь станут прахом в родных садах Эвиду, где покоится тот, кто дороже жизни. Тогда Гленну и их двоим детям не придется тосковать в одиночестве. Это куда милосерднее, чем угасать в бездонной

пустоте чужих галактик, за миллиарды световых лет от дома, зная, что после смерти твоя душа затеряется среди холодных звезд и никогда не отыщет дорогу назад.

Роджер, близкие, Марко, Симо, Лэнс... Хань Цзин понимал, что все они — лишь песчинки, уносимые безжалостным потоком истории. Сердце сжалось от глухой, бесконечной тоски.

Резкий, надрывный вой сирены вырвал его из оцепенения.

— В верхних слоях атмосферы зафиксирован мощный энергетический всплеск!

— Начать запуск систем Атлантиды!

— Вывести импульсные генераторы на максимальную мощность!

— Приготовиться к переходу на околосветовую скорость!

Команды сыпались одна за другой. Согласно отработанным до автоматизма алгоритмам Элохим, каждый оператор четко выполнял свои обязанности. В центральной рубке не было и намека на панику — только слаженная, методичная работа.

Пол под ногами вздрогнул. Из самых недр Атлантиды вырвался глухой, рокочущий гул. В следующую секунду исполинский город окутало ослепительное сияние — в сотни раз ярче того, каким он светился при подъеме со дна Атлантического океана. Потоки чистой энергии соткали над летающим мегаполисом исполинский полусферический купол, похожий на прозрачный сапфировый панцирь.

Десятки тысяч людей, собравшихся на центральных площадях Атлантиды, заворуженно смотрели вверх. Небо расчертили жуткие огненные полосы — тучи вражеских кораблей уходили в гиперпространство, искажая ткань реальности пространственными складками. Космическая бездна вспыхивала электрическими разрядами; повсюду, насколько хватало глаз, распускались беззвучные, смертоносные бутоны взрывов, похожие на жуткий праздничный салют.

Свечение взрывов стремительно приближалось. Атлантида покидала орбиту!

Когда люди осознали это, по жилым ярусам прокатился многоголосый гул изумления и страха. Никто не хотел верить в происходящее, но отрицать очевидное было невозможно: отныне они окончательно оторвались от колыбели. Человечеству предстояло отправиться в вечное странствие на борту древнего ковчега, навстречу холодной, таящей смертельные опасности неизвестности.

Силовой купол терся о плотные слои атмосферы, высекая тучи ионизированных искр и оставляя за собой шлейф из раскаленного атомарного тумана. Взлет проходил безупречно — в точном соответствии с расчетами Элохим. И все же в центральной рубке повисла удушливая тишина. Люди затаили дыхание. Каждый понимал: настоящая проверка на прочность начнется

сейчас, при активации Звёздных врат.

— Проходим экзосферу...

— Входим в зону боевого соприкосновения! — голос оператора сорвался на крик.

Даже те, кто мысленно готовил себя к худшему, застыли в оцепенении, когда на экранах развернулась панорама космического сражения.

Пространство прошивали мириады слепящих фотонных трасс. Вражеские эскадры, выстроившись в бесконечные цепочки, отливали холодным стальным блеском, словно реки расплавленного серебра. В этой безумной свалке было невозможно разобрать, где свои, а где чужие, где флот Элохим, а где захватчики. Рубка видела лишь одно — тотальное, беспощадное истребление. И вблизи, и у самого горизонта пустота то и дело взрывалась яростным пламенем гибнущих исполинов. Смерть правила бал, сотворяя из пепла и обломков новую, жуткую реальность.

Армады пришельцев, когда-то повергавшие человечество в священный трепет своей неисчислимостью, теперь лопались как мыльные пузыри. Сверхмощные энергетические лучи диаметром в пару километров насквозь прошивали строй врага. Корабли мгновенно детонировали, превращаясь в сплошную полосу бушующего пламени. Издалека это казалось рождением новой звезды: ослепительный огненный серп разрастался на краю темного диска планеты, пульсируя и расширяясь гигантской дугой.

Постепенно операторы научились распознавать союзников. Корабли Элохим по масштабам не уступали вражеским левиафанам, из-за чего их поначалу путали. Но стоило какому-нибудь чужаку вынырнуть из гиперпространства вблизи Атлантиды, как наперерез ему тут же бросался исполин, окутанный фиолетовым сиянием защитных полей. Союзный флот методично зачищал сектор за сектором, принимая на себя яростные удары и выстраивая вокруг человеческого ковчега непреодолимый барьер.

Технологическое превосходство Элохим было абсолютным. Несмотря на многократный численный перевес противника, они вели бой с убийственным хладнокровием. Защищая Атлантиду, они ухитрялись перехватывать инициативу, заставляя врага пятиться и переходить от отчаянных атак к глухой обороне.

Очередной линкор чужаков содрогнулся под шквальным огнем: его обшивка лопнула, обнажив сияющие раны реакторов. Металл корпуса вспучился гигантскими пузырями от бушующих внутри температур, а следующая серия попаданий окончательно разнесла корабль в щепки. Тысячи пылающих обломков устремились вниз, превращаясь в смертоносный метеоритный дождь, готовый обрушиться на истерзанную Землю.

Война титанов не оставила колыбели человечества ни единого шанса. Рикошеты тяжелых орудий и обломки колоссальных размеров то и дело пробивали озоновый слой, врезаясь в поверхность планеты. С высоты Атлантиды было больно смотреть на умирающий дом: материки полыхали, а места ударов заволакивали клубы черного дыма. Эти тектонические

пожары порождали пылевые тучи, затмевавшие целые полушария — каждая из них была во сто крат страшнее любого ядерного гриба.

Люди в рубке молча глотали слезы. У многих дрожали губы, но все понимали: горевать некогда. Чтобы выжить, нужно двигаться только вперед.

С металлическим, лишенным эмоций голосом из контрольного сектора DML-3 к ним обратился искусственный интеллект Соль:

— Начать развертывание квантового поля. Набрать околосветовую скорость. Приступить к фазе набора координат.

Его холодный тон вернул операторов к реальности.

— Принято, квантовое поле разворачивается.

— Параметры Планка в норме.

— Модули нулевой точки функционируют стабильно.

Доклады посыпались по каналам связи, возвращая экипаж к состоянию предельной концентрации.

Легкий толчок — и сапфировый купол Атлантиды подернулся зыбкой дымкой, размывая очертания внешнего мира. Бывшая Луна, обращенная некогда в колоссальные Звёздные врата, предстала перед ними во всем величии. Запуск систем города перерезал остаточные потоки энергии Большого красного пятна, обнажив этот циклопический объект. И все же теперь, взирая на него из рубки летящего мегаполиса, Хань Цзин больше не чувствовал себя той жалкой песчинкой, какой ощущал себя у Радужных врат.

Им предстоит пройти сквозь этот провал и навсегда уйти в неизведанные глубины космоса.

И он... он больше никогда его не увидит.

Хань Цзин механически выполнял инструкции, но внутри все сжалось от невыносимой, живой боли. Перед глазами против воли встал образ Мориса — единственного человека, которого он по-настоящему любил. Где-то в глубине естества он по-прежнему отказывался верить в случившееся, не желая мириться с чудовищной правдой. Эта слабая, безумная надежда лишь делала его отчаяние еще более глубоким и беспросветным.

Словно в ответ на его безмолвный крик, космос содрогнулся.

Раздался панический, сорвавшийся на визг голос оператора:

— Зафиксирована аномальная сигнатура! К нам приближается объект на сверхсветовой скорости!

— Это Харон?!

— Нет! Это боевая станция сверхцивилизации!

На главном экране возник исполинский темный силуэт, формой напоминающий Харон. Его сферическая поверхность, отливавшая тусклым иссиня-черным металлом, непрерывно перестраивалась, двигаясь словно живой организм, и испускала колоссальные волны энергии. Было ли это тем самым планетоидом или чем-то иным — люди не знали. Ясно было одно: это оружие абсолютного уничтожения. И чужаки, и Элохим, оказавшиеся на траектории его удара, мгновенно плавились, точно восковые свечи в доменной печи. У них не оставалось времени даже на попытку к бегству — их корабли распадались на атомы и стирались из бытия.

Люди мертвенно побледнели. Волна, испущенная боевой станцией, напоминала взрыв сверхновой: колоссальное энергетическое кольцо расширялось в плоскости эклиптики с невероятной скоростью, за доли секунды обращая в прах целые звездные армады.

И этот смертоносный импульс неся прямо на них!

По кабине прошел ледяной вздох. Слепящее голубое марево заполнило экраны.

Казалось, это конец. Но оглушительный удар и яростная тряска вернули людей к жизни: щиты Атлантиды выдержали! Древний город выстоял против атаки равного по технологическому уровню противника. К несчастью, человечество не могло управлять Атлантидой так, как это делали их создатели — Альтераны.

В руках людей этот шедевр инженерной мысли оставался лишь пассивным щитом — оборонительные протоколы были активированы едва ли на десятую долю, а об атакующем потенциале нечего было и думать. Под градом новых ударов операторы начали паниковать, отчаянно пытаясь завершить настройку Звёздных врат, пока защитный купол окончательно не рухнул.

Элохим разгадали их замысел. Верные своему обещанию, они шли на верную смерть, словно мотыльки на пламя. Ни один союзный корабль не отступил: они ринулись в яростную контратаку на иссиня-черного левиафана, отвлекая огонь на себя и выигрывая для людей драгоценные секунды.

Однако боевая станция даже не замедлила ход. Неумолимо, с пугающей быстротой она надвигалась на Атлантиду. Любые преграждавшие ей путь эскадры мгновенно сгорали в импульсных вспышках ее защитных полей.

В рубке наперебой закричали:

- Модули нулевой точки истощены! Зафиксировано критическое падение мощности!
- Отказ вспомогательного генератора!
- Запуск экстренных систем обороны!

Иссиня-черная сфера извергла новые потоки лучистой энергии. Эта карающая плазма, вскипая в космическом вакууме, обрушилась на Атлантиду. Основной удар пришелся точно на сектор, где располагалась центральная рубка.

Оглушительный грохот сотряс конструкцию города. Это был звук самого рока, несущего смерть и окончательное разрушение.

Хань Цзин с бледным, застывшим лицом продолжал вводить боевые коды. Давно примирившись со смертью, он сохранял ледяное спокойствие, выгодно отличавшее его от запаниковавших коллег, и первым завершил подготовку оборонительного залпа.

Но стоило ему отправить рапорт, как пространство разорвал чудовищный взрыв. Мир поглотила ослепительная белая вспышка — энергетический щит Атлантиды пробило. Ревущий поток плазмы рухнул прямо на сектор DML-6.

Голова раскалывалась от дикой боли, сознание уплывало.

Холод медленно поднимался от кончиков пальцев. Хань Цзин с трудом заставил себя сфокусировать взгляд.

Он все еще в Атлантиде?

Нет. Определенно нет.

Вокруг струилось глубокое, мягкое сияние сапфиров. Хань Цзин обнаружил, что стоит на коленях посреди циклопического зала из иссиня-черного металла. Стены уходили куда-то в бесконечность, а позади вздымалась крутая металлическая лестница. Перед ним, окутанный нежным молочно-белым ореолом, высился силуэт — призрачный, зыбкий, словно сотканный из речного тумана.

Поднявшись на ноги, он почувствовал, как на плечи навалилась удушающая, почти физически осязаемая мощь. Но все мысли мгновенно вылетели из головы: лицо, являвшееся ему в бесчисленных снах, такое близкое и в то же время недостижимое, теперь было прямо перед ним. Хань Цзин замер, боясь сделать даже вдох.

Тот же царственный облик, та же безупречная грация, затмевавшая сияние драгоценных стен. Но взгляд его стал иным — ледяным, безучастным, лишенным малейшего намека на человеческое тепло.

Хань Цзин невольно прижал руку к груди, глядя в эти сияющие золотые глаза и на струящиеся по плечам серебряные волосы. Сердце отозвалось резкой, ноющей болью.

Перед ним стоял не прежний Морис. Это было высшее существо, божество, сошедшее с древних барельефов. Окутанный мягким сиянием, он внушал священный трепет.

Неужели он действительно все забыл?

Неужели готов пожертвовать даже их нерожденным ребенком?

Лицо возлюбленного казалось высеченным из мрамора. Свободные белые одежды колыхались в туманном мареве, размывая контуры его тела. Хань Цзин в отчаянии покачал головой. Он не хотел верить предостережениям Форсети. Все это морок, он просто ослеплен сиянием!

«Я не верю, не верю!»

Стоя у подножия возвышения, Хань Цзин снизу вверх смотрел на того, кто был ему дороже жизни.

Они ведь совсем рядом...

Почему же в этих золотых глазах нет ничего, кроме ледящего высокомерия?

Голос пропал. Хань Цзина душили слезы от горького осознания: он по-прежнему, вопреки всему, безумно и слепо любит это создание.

— Морис, — прошептал он.

В надежде поймать хоть тень прежнего тепла он всматривался в золото чужих глаз, но ответом ему была тишина. Взгляд божества едва заметно дрогнул, но расшифровать это мимолетное движение было невозможно.

Хань Цзин не желал сдаваться. Превозмогая чудовищное давление, он сделал тяжелый шаг вперед и снова позвал:

— Морис...

— Морис? — наконец заговорил Асир. На его губах играла холодная, пренебрежительная усмешка. — Это имя — клеймо позора. Одно упоминание о нем вызывает у меня лишь омерзение.

— Только кровь смертных смоет эту грязь. Мои сородичи, пытавшиеся меня уничтожить, мнили себя владыками вселенной, а теперь пресмыкаются у моих ног. Оставь эти жалкие взгляды. Твои бредни о любви вызывают у меня лишь тошноту.

Голос Асира разил холодом, вонзаясь в душу не хуже отравленного клинка.

Хань Цзин оцепенел, словно его швырнули в ледяную бездну.

— Ты ничего ко мне не чувствуешь? Вранье! — слезы покатались по его щекам. Память услужливо подбрасывала обрывки их прошлого — самые светлые, самые чистые моменты его жизни. Теперь от них не осталось и следа.

— Мы были единым целым! Мы клялись друг другу, что преодолеем все. Я обещал беречь тебя пуще собственной жизни, и ты... ты тоже давал клятву! Не верю, что все это пустой звук!

Ему было плевать на собственную жизнь. Он лишь хотел уничтожить грызущее его сомнение. Любил ли его Морис хоть секунду? Или все это время он действительно оставался лишь слепой марионеткой в руках расчетливых богов, как утверждала голограмма Атлантиды?

На мгновение Асир замолчал. В глубине его золотых глаз промелькнуло нечто человеческое, но тут же сменилось беспредельным презрением.

— Чувства? Станет ли высший сопереживать скоту? Абсурд.

Он сделал шаг вперед, возвышаясь над человеком.

— Люди — ничтожная, примитивная раса. Насекомые, не заслуживающие внимания. А ты... ты всего лишь проклятие, навязанное мне Альтеранами. Мой величайший позор. Те крохи времени, которыми ты так дорожишь, для бессмертного — ничто, пылинки в потоке вечности. Эмоции — это слабость, дефект сознания. Мне они без надобности. Моя цель — вечность. А ты для меня — пустое место.

Эти слова, полные ледяной ненависти, окончательно растоптали остатки надежды.

Когда связь между двумя существами, чьи судьбы когда-то переплелись, разрывается с такой жестокостью, боль становится невыносимой. Один остался сиять в лучах божественного величия, а второй был безжалостно сброшен в грязь, признанный ничтожным насекомым.

Хань Цзин во все глаза смотрел на Асира. Приговор «ничтожество» прозвучал как хлесткий удар хлыстом по лицу. Боль отрезвила его.

Слезы высохли. Последняя искра тепла в груди окончательно угасла, оставив лишь холодный

пепел.

Страх смерти исчез, уступив место ледяной решимости. Хань Цзин прямо посмотрел на бога, готовый разорвать порочный круг своей слепой верности.

— Ах вот как? Значит, я для тебя пустое место?! Прекрасно! Мне плевать! — взгляд Хань Цзина лишился былой мягкости, наполнившись колючей стужей. — Если вы мните себя всемогущими богами, зачем вам тогда фанатичное поклонение смертных?!

Он наступал, чеканя каждое слово:

— Вы не всемогущи! Да, мы слабы, но мы — самостоятельные существа! У нас есть разум, есть культура, мы способны мыслить! А вы... вы ничтожнее нас. У вас нет души, вы панически боитесь кончины и способны лишь паразитировать на чужих телах ради своего фальшивого бессмертия!

Хань Цзин горько усмехнулся:

— Зачем нужна вечность в этой бескрайней пустоте, если тебе некого любить? Разве это не пытка? Вы добровольно заперли себя в ледяной, удушающей тюрьме собственного эгоизма!

Асир безропотно выслушал эту тираду. Когда Хань Цзин замолчал, тяжело дыша, бог снисходительно произнес:

— Ради вечной жизни мы отсекали все лишнее. И этот выбор позволил нам править эпохами. Тебе, мелкому существу, никогда не постичь величие нашего замысла.

Он окинул собеседника равнодушным взглядом:

— Вы кичитесь своим разумом, но что вы знаете об истинных законах мироздания? Когда человечество борется за выживание, вспоминает ли оно о скоте, который ежедневно режет на бойнях? Животные тоже хотят жить. Но для вас они — низшие твари без души и чувств. Колеблется ли рука мясника, заносающего нож? С чего ты взял, что мы должны вести себя иначе? Вы для нас — точно такой же скот. Мы создали вас, вдохнули жизнь в вашу глину. И если вы позволяете себе распоряжаться судьбами тех, кто слабее, то почему создатель должен спрашивать вашего согласия?

— Значит, мы для тебя хуже муравьев? — Хань Цзин похолодел, чувствуя, как внутри все окончательно рушится. — Это ты стер с лица земли военную базу CNA-12? Ты убил собственного отца? И Марко тоже твоя работа?!

— Они — лишь часть воспоминаний Мориса, — безучастно отозвался Асир. — Ко мне они не имеют отношения.

— Значит, и я для тебя никто? — перебил его Хань Цзин с горькой усмешкой. В его глазах застыла беспросветная тоска. — Если я обычный червь, зачем великий бог тратит время на споры со мной?

— Но знаешь... я даже рад. Твоя откровенность исцелила меня. Все то, что я берег как зеницу ока, ты превратил в труху, растоптал ногами. Больше я не стану унижаться. Моя любовь умерла. Я знаю, что ты хочешь моей смерти — ведь я твой живой позор. Убивай, я готов. Мне лишь жаль себя: глупого червяка, который поверил божеству и отдал сердце этому бездушному чудовищу.

Тихий смех Хань Цзина походил на шелест сухих листьев. Боль выжгла все эмоции, не оставив даже слез. Каждое его слово хлестало Асира по лицу.

Золото чужих глаз на миг потемнело. Асир стремительно спустился по ступеням. Прежде чем Хань Цзин успел шевельнуться, холодные пальцы мертвой хваткой сомкнулись на его горле.

Дыхание перехватило. От этой безжалостной хватки веяло могильным хладом. Хань Цзин захрипел, пытаясь разжать стальные пальцы, но следующий резкий рывок лишил его сил, и он тяжело рухнул на каменные плиты прямо к ногам божества.

— Смерть — слишком легкий исход, — в ледяном тоне Асира отчетливо проступило глухое раздражение. Он грубо схватил Хань Цзина за плечо, заставляя поднять голову и смотреть сквозь распахнутые створы зала на бескрайнюю бездну космоса.

Хань Цзина била крупная дрожь. Безысходность мешалась в его груди с глухой яростью. Там, в черной пустоте, Атлантида из последних сил отбивалась от непрерывных плазменных залпов. Этот монстр намеревался стереть людей с лица вселенной.

— Твое племя захлебнется собственной кровью, — прошипел Асир. — Я заставлю тебя смотреть, как умирает человечество.

Разум Хань Цзина затмила ярость. Жгучая ненависть вытеснила все чувства. Колыбель человечества, его раса, все, во что он верил, сейчас превратится в космическую пыль?!

«Нет! Я не позволю!»

Не помня себя от гнева, он резко развернулся и наотмашь ударил Асира. На запястье мгновенно вспыхнул браслет Элохим, выпустив мощный концентрированный заряд.

В следующую секунду время словно остановилось. Хань Цзин застыл, боясь сделать вдох.

Его рука...

Он ударил... но куда?!

Его затрясло от неопишемого ужаса. Лицо исказилось гримасой шока: его кулак пришелся точно по округлому, выдающемуся животу Мориса. Под свободными одеждами угадывался силуэт почти полностью сформировавшегося, готового к рождению плода.

В голове образовалась звенящая пустота.

«Как... как такое возможно?!»

«Он ведь презирал меня! Считал ничтожным насекомым!»

Для их вида продолжение рода было равносильно самоубийству — вынашивание плода забирало жизненную силу, навсегда лишая бессмертия. Зачем же тогда это гордое божество пошло на такие жертвы ради их общего ребенка?!

Хань Цзин не находил ответов. Он лишь ошеломленно смотрел на Асира, чье лицо исказилось от невыносимой, острой боли.

Асир застыл изваянием. Будучи абсолютно уверенным в своей неуязвимости, он не выставил щиты. Резкая, спасительная судорога пронзила низ живота. Судорожно охнув, бог обхватил руками живот, и широкие рукава его белых одежд взметнулись в яростном жесте. Хань Цзин даже не успел вскрикнуть — невидимая ударная волна впечаталась ему в грудь, отбросив прочь и заставив кубарем покатиться вниз по металлическим ступеням.

<http://bllate.org/book/19677/2006507>